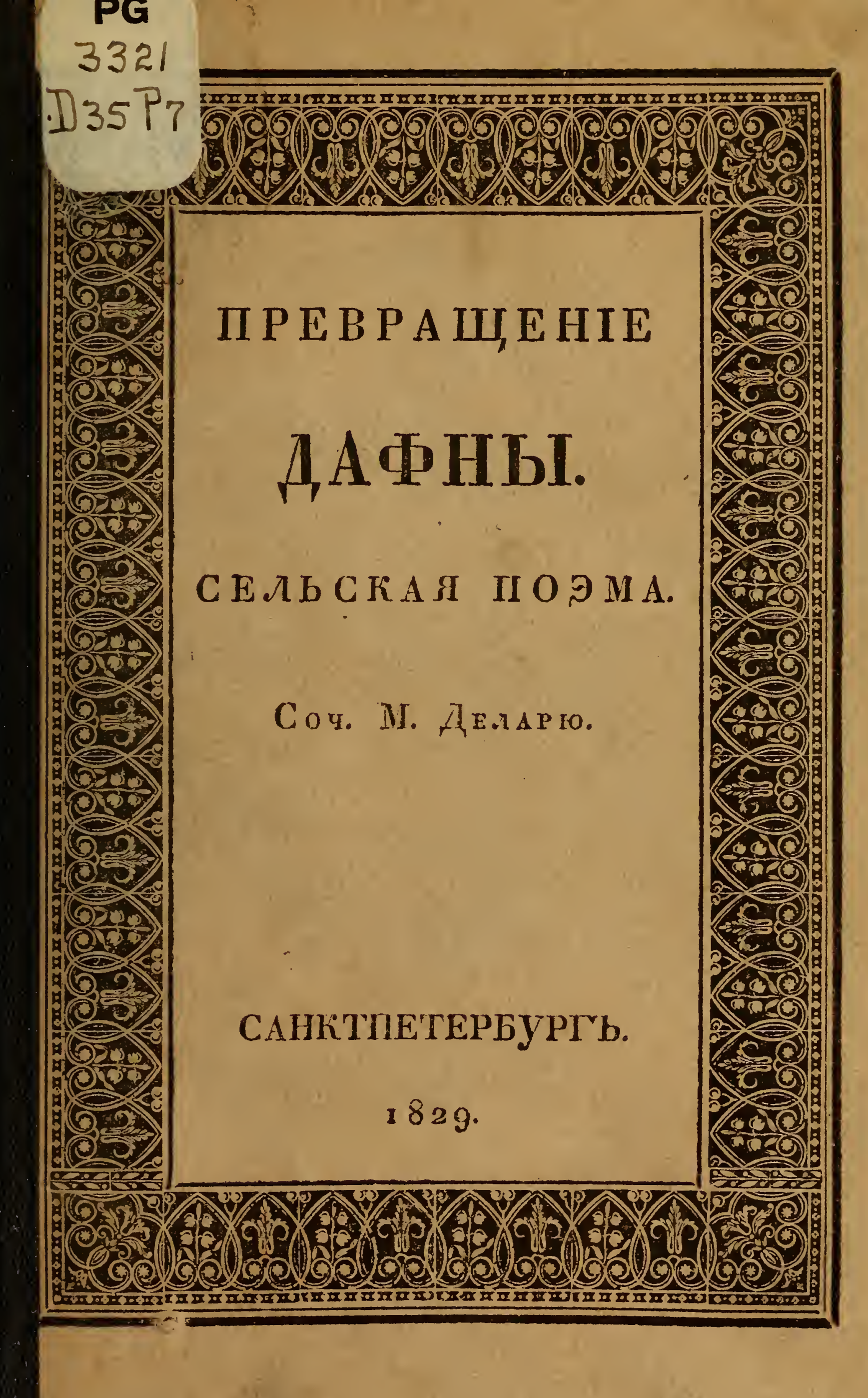
PG
3321
.D35P7

ПРЕВРАЩЕНІЕ

ДАФНЫ.

СЕЛЬСКАЯ ПОЭМА.

Соч. М. Деларю.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1829.

Class ______________
Book ______________
YUDIN COLLECTION

ПРЕВРАЩЕНІЕ ДАФНЫ.

Сочиненіе М. Деларю.

Delarîu, Mikhail Danilovich

ПРЕВРАЩЕНІЕ

ДАФНЫ.

СЕЛЬСКАЯ ПОЭМА.

Соч. М. Деларю.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

PG3321
.D35P7

Позволяется печатать.

С. Петербургъ, 28 Сентября, 1829.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Посвящена Д. А. и Н. С. Деларю.

« Всѣ ваши прекрасны дары, о безсмертные боги!
Прекраснѣе всѣхъ — красотою цвѣтущая младость:
Прекраснѣй, проходчивѣй всѣхъ .... »

Б. Дельвигъ.

Плачьте, прелестныя Нимфы долинъ Ѳессалійскихъ цвѣтущихъ,
Внемля звукамъ пѣсни унылой про юную Дафну!
О, прекрасна была стыдливая Дафна! — но что же?...
Стрѣлы Эрота сразили невинную жертву, не давши
Чистымъ устамъ прикоснуться къ чашѣ живыхъ наслажденій! —
Плачьте, прелестныя Нимфы долинъ Ѳессалійскихъ цвѣтущихъ,
Внемля звукамъ пѣсни унылой про юную Дафну!....

Было блаженное время, когда на землѣ вѣчноюной
Мирно цвѣли, не заботясь о счастьи, счастливые люди.

Счастье само низлетало къ нимъ съ неба и миръ благодатный
Въ тихихъ семьяхъ разцвѣталъ и довольствомъ ланиты алѣли;
Чистой любовью дышали и небо и море и суша;
Люди, еще не знакомые съ злобой и завистью лютой,
Братьямъ любезнымъ подобно, жили въ согласіи дружномъ.
Всё на землѣ процвѣтало для счастья: роскошное небо
Вѣяло вѣчной весною на злачные холмы и долы;
Сладко плоды улыбались на стройныхъ деревьяхъ и лёгкій
Быстро порхалъ мотылёкъ, блистая лазурью и златомъ:
Къ юному цвѣту прильнувши, онъ засыпалъ, упиваясь
Сладкою влагой, безъ страха застигнутымъ быть на ночлегѣ....
Гдѣ жь то счастливое время? — Увы! улетѣло, умчалось

Съ прóклятой Зевсомъ землй; но сладко о нёмъ вспоминанье!
(Такъ ароматъ многоцѣнный, оставя хрусталь свой душистый,
Въ свѣтломъ эѳирѣ летя, изчезаетъ; но долго плѣняетъ
Чувства чудесною нѣгой, извѣстной однимъ лишь безсмертнымъ).
Міромъ въ то время владѣлъ всемогущій Эротъ; онъ съ Олимпа
Лилъ блаженство на всѣхъ, и предъ волей его преклонялись
Зевсъ-Громовержецъ и самъ Айдоней, богъ мрачный Айдеса.
Міръ наслаждался покоемъ.... Но вдругъ великое чудо
Всѣхъ поразило... Незапно сраженный сыномъ Латоны —
Мирной земли возмутитель, твореніе мстительной Геры —
Дерзкій Пиѳонъ издыхалъ, наполняя окрестности воплемъ;
Въ кольцы согнувшись, крушился, и вырвать стремился изъ сердца

Хладную сталь; но усилія тщетныя! поздно спасенье!
Мощна длань Аполлона и метки безсмертныхъ удары! —
Славной побѣдой гордясь, направляетъ полётъ свой къ Олимпу
Зевса могучаго сынъ. На встрѣчу ему, распустивши
Лёгкія крылья, несётся державный Эротъ: за спиною
Дивный привѣшенъ колчанъ со страшными свѣту стрѣлами.
« Немощный богъ, удались! Иль не знаешь, сколь сильны удары
Сына Латоны?... Поди, посмотри на Пиѳона: увидишь,
Чьи смертоноснѣе язвы! Оставь управленіе міра
Тѣмъ, кто сражаетъ чудовищъ и міръ весь отъ бѣдствій спасаетъ.
Ты же мнѣ не опасенъ!... Пронзай своими стрѣлами
Слабыя смертныхъ сердца, упиваясь ихъ долгимъ мученьемъ! »

Такъ говорилъ Аполлонъ, презирая силу Эрота.
Хочетъ еще продолжать; но у сына млада-даго Киприды
Гнѣвъ загорѣлся въ очахъ и колчанъ зазвучалъ за плечами.
—« Смѣешь ли ты (воскликнулъ Эротъ) посмѣваться надъ властью
Бога, которому все покоряется въ мірѣ!... Узнаешь
Силу десницы моей! » Сказалъ и, свой лукъ натянувши,
Взялъ двѣ стрѣлы изъ колчана.... (Ужасныя стрѣлы!... Какъ быстро,
Съ лука спустясь, несутся онѣ!... Одна золотая
Съ острымъ концемъ: она зажигаетъ любовь и раждаетъ
Въ сердцѣ и муку и сладость. — Другая съ концемъ притупленнымъ —
Свѣтлымъ одѣта свинцомъ: она раздѣляетъ два сердца.)
Вотъ ужь стрѣла золотая въ грудь Аполлона вонзилась....

Снова лукъ зазвенѣлъ: и другая несётся по волѣ
Вѣрныхъ законовъ судьбы, разсѣкаетъ сіянье эѳира,
Быстро летитъ и вонзается въ сердце невинное Дафны....
Дафна, дѣва прелестная, дочь молодая Пенея,
Радость старца-отца, едва изъ объятій природы
Вырвалась съ чистой, небесной душою и сердцемъ небеснымъ.
Прелестей всѣхъ сочетанье сіяло въ плѣнительной дѣвѣ:
Свѣжій румянецъ игралъ на лилейныхъ ланитахъ — и небо
Въ ясной лазури очей отражалось, какъ въ чистомъ потокѣ;
Розы дышали въ устахъ, и по плечамъ прелестнымъ бѣжали
Кудри златыми волнами, въ душистыя кольцы свиваясь.
Тихо одежда струилась по гибкому, стройному стану,

Сжатому поясомъ лёгкимъ, подаркомъ сѣдаго Пенея.
Всё плѣняло въ Дафнѣ, всё привлекало сердца къ ней....
Дафна одна лишь не знала, что боги ее надѣлили
Всѣми дарами любви и душой непорочной и милой.
Лёгкимъ полётомъ на лонѣ свободы и счастья летѣли
Дни беззаботные дѣвы прелестной — и сны золотые
Съ тихой, привѣтной улыбкой вились надъ безпечной главою. —
Счастлива юная дѣва, если вкушаетъ блаженство
Нѣжной, взаимной любови съ юношей милымъ; пріятно,
Сладко промолвить впервые: «люблю» и устами младыми
Первый принять поцалуй, взаимнымъ жаромъ горящій....
Но невинная Дафна не знала сердечной тревоги.

Часто Пеней, обнимая её, говорилъ со слезами:
«Милая дочь! для чего ты не хочешь утѣшить Пенея
Узами чистой любви?... Для чего ты не выберешь друга
Съ сердцемъ, достойнымъ тебя? Ахъ! за чѣмъ навсегда ты лишаешь
Сладкой утѣхи отца цаловать съ умиленьемъ малютокъ
Свѣжихъ, какъ вешнее утро, и матери милой подобныхъ?
Грустно взирать мнѣ на свѣтъ: всё въ природѣ любовію дышетъ,
Всё наслаждается счастьемъ семейственнымъ; я же (несчастный!)
Въ мірѣ одинъ не могу прижимать охладѣлой рукою,
Внуковъ-младенцевъ, съ надеждой узрѣть въ нихъ блаженство прямое.»
Слёзы катились у Дафны и нѣжный румянецъ живѣе
Въ миломъ лицѣ разгорался, лишь только отецъ огорченный

Рѣчь заводилъ о супругѣ. — «Родитель! она отвѣчала,
Къ персямъ его прижимаясь, за чѣмъ непремѣнно желаешь
Дафнѣ супруга избрать? — Мнѣ никто не замѣнитъ Пенея!
Лучше позволь навсегда мнѣ съ тобою оста-ться, не зная
Узъ принужденныхъ любви, подобно стыдливой Діанѣ.»
Старецъ Пеней преклонялся на просьбы ея и младая
Дѣва въ тиши разцвѣтала, какъ юная роза въ теплицѣ. —
Сердцу невинному сладко взирать на дѣянья безсмертныхъ:
Всё въ нихъ душѣ говоритъ, всё плѣняетъ и трогаетъ чувство;
Такъ и прелестная Дафна съ ранней зарёй оставляла
Ложе покоя, желая насытить невинные взоры
Зрѣлищемъ дивнымъ природы, когда на лазури небесной

Свѣтлый является день и блѣднѣетъ свѣтило ночное.
Тамъ межь цвѣтами (сама несравненный цвѣтокъ) любовалась
Зевса дѣяньямъ высокимъ и въ гротъ возвратясь, усыпала
Тихое ложе Пенея цвѣтами, чтобъ старца видѣнья
Сладостнѣй были предъ утромъ, чтобы ложе покинувъ,
Встрѣченъ онъ былъ благовоннымъ запахомъ травъ ароматныхъ.
Въ полдень, когда надъ усталой землёю пылаетъ и блещетъ
Знойное солнце, спѣшили къ Пенею, укрыться отъ зноя
Въ гротѣ прохладномъ: и тихій Амфризъ, и Спѐрхій, съ главою
Тополемъ мирнымъ вѣнчанной, и богъ Апиданъ, и бурливый
Съ сердцемъ живымъ Энипей и Инакъ; (онъ къ Пенею
Дружбой святой пламенѣлъ. Казалось, что боги нарочно

Милыхъ дѣтей имъ пославши, участь одну же
послали).
Тамъ на душистой травѣ возлегали они и съ
Пенеемъ
Вкусный дѣлили обѣдъ; а младая, прелестная
Дафна
Чашу съ кипящимъ виномъ подносила богамъ —
и привѣтной,
Милой улыбкой, какъ Геба, къ веселію всѣхъ
приглашала.
Взоры боговъ устремлялись на Дафну; отъ
вздоховъ невольныхъ
Чаши поверхность струилась и Бахуса даръ
благодатный
Часто уста миновавъ, на дёрнъ молодой из-
ливался.
Дѣва розой пылала; а старецъ Пеней со
слезами
Зевсу усердно мольбы возсылалъ о дочери
милой....

Такъ пролетали мгновенья — и горе, каза-
лось, не смѣло
Грота коснуться.... Но воля судьбы сокро-
венна отъ взоровъ!...

Можетъ ли кто похвалиться, что счастьемъ
вполнѣ насладился?
Ловимъ мы счастье, но тѣнь лишь его остаётся предъ нами...
Такъ упоенный любовью, въ мечтаньяхъ таинственныхъ ночи
Видитъ плѣнительный образъ.... Онъ видитъ:
уста улыбнулись:
Въ пылкомъ восторгѣ стремится къ нему;
но мечта изчезаетъ....
Всё вкругъ ложа покойно.... Лишь сердце
сильнѣе забилось,
Лишь предъ очами плѣнительный ликъ и улыбка мелькаютъ....

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Посвящена А. А. Барону Дельвигу.

«Hei mihi, quod nullis amor est medicabilis herbis!»

Ovid. Nas. Métamorph. L. I. v. 523.

Гдѣ то счастливое время, о Дафна! когда наслаждалось
Сердце твое безмятежнымъ покоемъ и всё восхищало
Тихую душу твою? — Увы! навсегда отлетѣло
Счастье отъ юнаго сердца съ тѣхъ поръ, какъ пылающій мщеньемъ,
Бросилъ ужасныя стрѣлы Эротъ!... О! простите на вѣки,
Дѣвы невинной забавы и вы, усладители муки,

Сладкія слёзы при зрѣлищѣ дивныхъ созданій природы!
Нѣтъ, не можете вы услаждать мученій сердечныхъ!
Острой стрѣлой Эрота сраженный съ Олимпа, скитался

В долахъ Θессаліи богъ лучезарный. — Чуждый веселью
Тамъ, съ невѣдомой грустью въ душѣ, онъ бродилъ одинокій,
Сладостной лирой прохладныя сѣни пещеръ оглашая.
Тамъ предназначено было ему непреклонной судьбою
Муку любви испытать.... О несчастный! онъ видѣлъ однажды
Юную Дафну — (она удалилась изъ грота, надѣясь
Сердцу больному подать облегченье свободной тоскою) —
Видѣлъ — и сердце прекраснаго бога забилось любовью ...
Всё, что радуетъ душу, всё, что жизнь услаждаетъ,
Въ чувствѣ единомъ слилось и образъ плѣнительный, чудный
Живо въ душѣ его впечатлѣлся съ тѣхъ поръ, какъ младая
Дѣва предстала предъ нимъ. Съ тѣхъ поръ навсегда уже сердце

Отдалъ онъ Дафнѣ.... Но что же? — Дафна, покорная волѣ
Мощнаго сына Кипріды, любовь Аполлона презрѣла.
Тщетно сіяла предъ ней красота лучезарнаго бога,
Тщетно искусныя длани изъ струнъ золотыхъ извлекали
Сладкіе звуки любви: ничто не плѣняло жестокой!...
Быстро летѣли мгновенья — и съ каждой зарёю сильнѣе
Въ богѣ свѣтила дневнаго къ дѣвѣ любовь разгоралась;
Сердце страдальца томилось, — а мстящій Эротъ съ восхищеньемъ
Видѣлъ жертву свою — и новыя стрѣлы готовилъ....
Вотъ однажды прелестная Дафна, оставя жилище
Старца Пенея, бродила по злачному брегу Амфриза:
Дафна не знала, что въ рощѣ, на брегѣ Амфриза цвѣтущей

Богъ влюбленный скрывался, прихода ея ожидая!...
«Свѣтлымъ Олимпомъ клянусь, (воскликнулъ изгнанникъ Олимпа,
Дафну младую узрѣвши), клянусь вѣчнольющимся Стиксомъ,
Нѣтъ! я не зрѣлъ красоты ей подобной! — Какая стыдливость
Въ нѣжно-умильномъ лицѣ! какъ небрежно играетъ съ Зефиромъ
Шёлкъ ароматныхъ кудрей и, подъ лёгкимъ покровомъ волнуясь,
Дышутъ любовью и нѣгой лилейныя перси прелестной!...
Кто-же, о дѣва! изъ смертныхъ осмѣлится дерзкой рукою
Съ прелестей тайныхъ завѣсу сорвать и любовью твоею
Жаждутъ любви утолить?... О Ѳессаліи цвѣтъ насравненный!
Нѣтъ, изъ смертныхъ никто!...»

Съ симъ словомъ, исполненный страсти,

Бросился къ ней Аполлонъ.... Но напрасно! — она лишь узрѣла
Бога свѣтила дневнаго, какъ, серны пустынной быстрѣе,
Къ гроту помчалась.... за ней Аполлонъ.... но напрасной мольбою
Дѣвы не могъ удержать.....

«О прекрасная Дафна! за чѣмъ ты,
(Такъ говорилъ онъ), меня убѣгаешь? за чѣмъ ты не хочешь
Сердцу влюбленнаго бога любовью взаимной отвѣтить?
Дафна! о милая Дафна! взгляни, какъ любовью взаимной
Всё здѣсь цвѣтётъ! посмотри, какъ на розѣ роскошно-душистой
Томную нѣгу впиваетъ златый мотылёкъ — и крылами
Свѣжій листочекъ обнявъ, наслаждается сладкимъ забвеньемъ!
Всё насъ къ любви приглашаетъ: и тёмная сѣнь винограда,

И прохлада пещеръ, и ропшанье ручьёвъ сладкозвучныхъ!...
Дафна, прелестная дѣва! постой!... Но увы! ты не хочешь
Жалобамъ сердца внимать: ихъ разноситъ зефиръ легкокрылый!...
Вижу (но поздно!) державный Эротъ, сколь ты силенъ... О горе!
Горе тому, кто неопытнымъ сердцемъ твой гнѣвъ навлекаетъ!
Горе и мнѣ! не найду излеченья для раны сердечной!»
Такъ онъ страданья свои выражалъ; — но боясь, что бы Дафна
Язвами ногъ на бѣгу не покрыла, — то бѣга стремленье
Вдругъ умѣрялъ Аполлонъ, — то влекомый кипящею страстью,
Гнался за дѣвой быстрѣе и жаркимъ, неровнымъ дыханьемъ
Кудри ея волновалъ, и ужь дланью до стана касался....
Такъ за пугливой голубкой ястребъ голодный несётся:

Хищные когти свои раздвигая, ужь съ крыльевъ широкихъ
Холодомъ вѣетъ на бѣдную жертву — и горе несчастной,
Если вблизи нѣтъ пріюта, гдѣбъ скрыться отъ хищника злаго! —
Солнце склонялось на западъ, прощальнымъ лучемъ озлащая
Гротъ тотъ прохладный, гдѣ старецъ Пеней, преклоняся на урну
Важнымъ челомъ, увѣнчаннымъ осокой, сидѣлъ — и съ сердечной
Тайной тоской взиралъ на сѣдыя, шумящія волны....
Гротъ сей изсѣченъ былъ въ мшистой скалѣ: передъ входомъ шумѣли
Главы столѣтнихъ дубовъ; а подъ ними, какъ жаркія перси
Дѣвъ полногрудыхъ, цвѣтущихъ юности первой цвѣтами,
Сочныя грозди кустовъ виноградныхъ висѣли, качаясь.
Раковинъ радужнымъ слоемъ блистала вся внутренность грота,

Полъ же былъ устланъ травой благовонной, на коей стояли
Чаши изъ тыквъ плоскодонныхъ, кипящія соkомъ блестящимъ,
Даромъ прекраснаго Вакха, любимца безсмертныхъ и смертныхъ....
Долго Пеней ожидалъ возвращенія дочери милой:
Сердце часъ отъ часу болѣ предчувствіямъ злымъ предавалось;
Грустью томилась душа.... Но чтожъ предъ очами Пенея?
О несказанное горе! Прекрасная Дафна стремится
Грота достичь; но вотще! Аполлонъ, окрыленный любовью,
Дланью ужъ станъ обхватилъ....

«Всемогущіе боги! за чѣмъ вы
Дѣву опасной красой надѣлили? (Такъ свѣтлыя очи
Къ небу поднявши, пѣняла прекрасная Дафна). Возмите

Даръ свой ужасный! — Не нуженъ мнѣ онъ!... Но если судьбою
Дафнѣ назначено въ грусти окончить свой вѣкъ безотрадный,
Лучше меня превратите въ цвѣтущее древо, чтобъ вѣчно
Здѣсь близъ отца я цвѣла и страданья его услаждала!...»
Хочетъ мольбу продолжать; но (о чудо!) языкъ костенѣетъ!
Хочетъ бѣжать; но прелестныя ноги къ землѣ прирастая,
Корни глубоко пускаютъ — и бьётся ужь жизнь подъ землёю...
Нѣжное тѣло мягкой корой покрывается; руки,
Къ небу простертыя, въ зелень одѣвшись, качаютъ вѣтвями....
Кудри златыя подъемлются съ юной главы, превратившись
Въ листья цвѣтущіе лавра — и съ ропотомъ въ воздухѣ вѣютъ....
Видѣлъ ужасное чудо Пеней. Отъ глубокой печали

Рѣчь на устахъ старика замерла — и водные токи
Хлынули съ шумомъ изъ влажныхъ, потухшихъ очей полубога....
Страстью живой упоёнъ, Аполлонъ ужь надѣялся вскорѣ
Дафну съ любовью къ горячему сердцу прижать; но лишь только
Дланью воздушный онъ станъ обхватилъ, какъ предъ бога очами
Страшное чудо свершилось.... Не Дафну, а лавръ величавый
Обняли длани: — подъ ними лишь сердце холодное билось....
Чудомъ такимъ пораженный, стоялъ передъ лавромъ безмолвенъ
Богъ Аполлонъ. Но вдругъ запылали ланиты и слёзы, —
Жаркія слёзы любви осребрили прекрасныя очи.
«Дафна! —» воскликнулъ онъ съ грустью, — о милая Дафна! простишь ли
Мнѣ несчастье свое? ... — я довольно наказанъ любовью! —

Такъ, ты простишь мнѣ; но слушай: если гнѣвной судьбою
Намъ не назначено было любовью дышать: хоть позволь мнѣ
Лиру мою лавровою вязью украсить, чтобъ вѣчно
Въ память она приводила мнѣ милую Дафну! — Да будетъ
Лавръ украшеньемъ героевъ и мною пѣвцовъ вдохновенныхъ!...
Знаю: — (предвѣденья даръ мнѣ низпосланъ Зевесомъ) — чредою
Вѣки промчатся — и счастье прекрасной Эллады изчезнетъ:
Грустью одѣнутся рощи и радости свѣтлой не будетъ
Въ злачныхъ долинахъ сихъ. Такъ рѣшено непремѣнной судьбою!
Долго Элладѣ страдать!... Но незапно, изъ странъ отдаленныхъ
Сѣвера мрачнаго, явится юный герой, предводитель
Сонма героевъ, имя свое отъ славы пріявшихъ:

Онъ избавителемъ будетъ Эллады отъ горестныхъ бѣдствій!
О, ты узнаешь его! — Какъ высокая пальльма, онъ строенъ;
Взоръ проницательно быстръ — и надъ юной главою пылаетъ
Геній безсмертья святой!... Поспѣши же тогда ты украсить
Лавромъ младое чело полубога и имъ предводимыхъ!»

Только лишь кончилъ слова сіи Фебъ, какъ кудрявой вершиной
Лавръ зашумѣлъ — и, какъ будто на просьбу его соглашаясь,
Долу блестящія листья склонилъ и бога сокрылъ въ нихъ....

ЭПИЛОГЪ.

Есть въ мѣстахъ сокровенныхъ долина. Тамъ вѣчной весною
Зелень кудрявыхъ деревьевъ цвѣтётъ; тамъ лазурное небо
Пламенно, живо, какъ первый любви поцалуй; тамъ средь нѣги
Дышетъ царица цвѣтовъ и изъ чистаго лона струёю
Точитъ по воздуху свой ароматъ.... О, блаженъ кто порою
Видѣлъ, какъ рѣзвыя Нимфы въ долинѣ волшебной той стройно
Пляшутъ подъ пѣнье влюбленныхъ Сатировъ и Фавновъ мохнатыхъ!
Помню: младенца меня, мой наставникъ — Сатиръ козлоногій
Часто въ долину водилъ. Вкругъ него собирались, рѣзвяся,
Роемъ шумящимъ прелестныя Нимфы и пляской чудесной

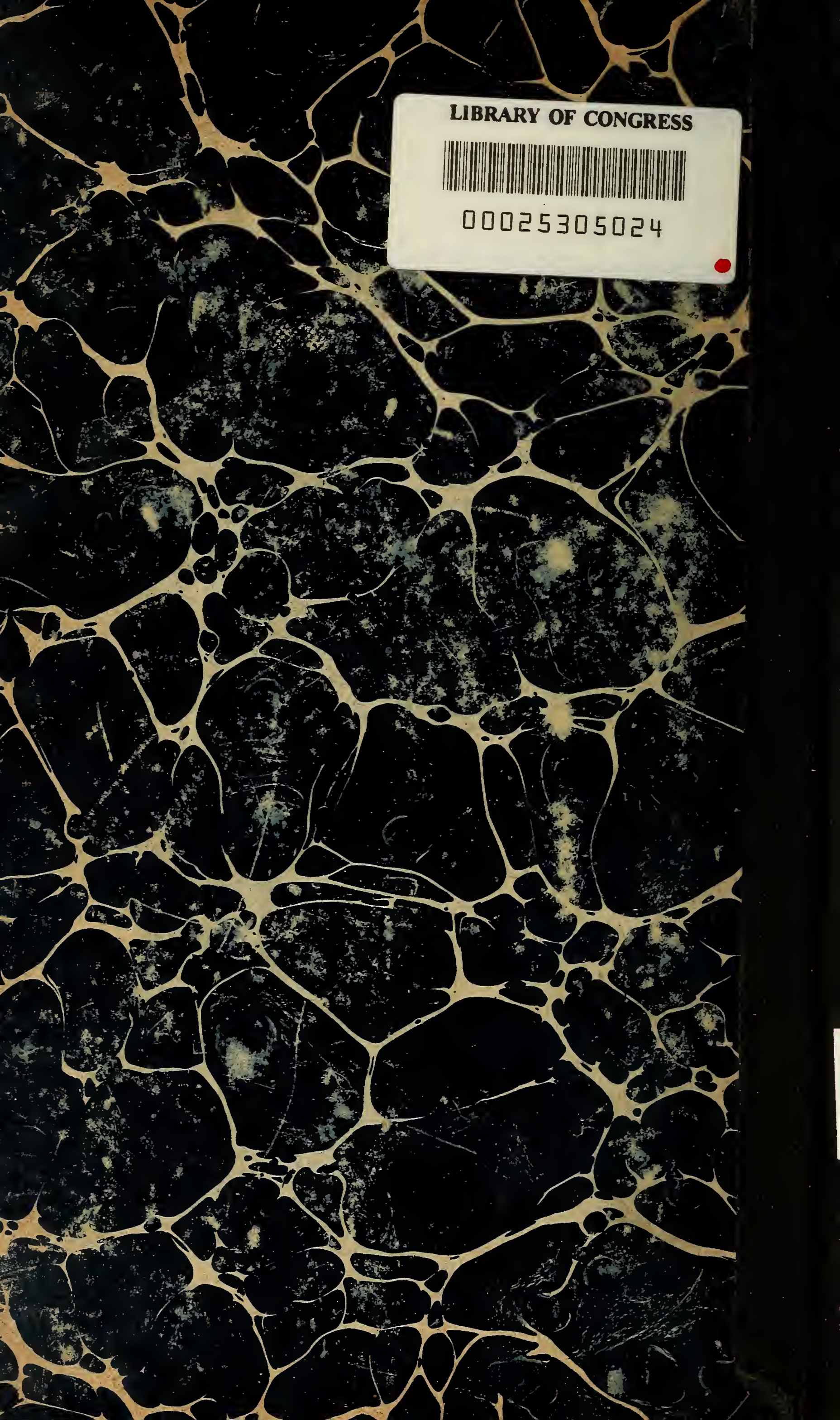
Мяли цвѣтущій долины ковёръ; а Сатиръ на свирѣли
Пѣсни наигрывалъ имъ про Зевеса, про Леду, про Дафну. —
Я же съ вниманіемъ слушалъ и полонъ былъ дивнымъ волненьемъ;
Крѣпко мнѣ въ душу запала чудесная пѣсня про Дафну!
Часто слабой рукой пріявши свирѣль, я старался
Звуки ей тѣ же вдохнуть; но душа порывалась напрасно!
Долго не могъ передать я свирѣли той пѣсни волшебной:
Душу стѣсняла тоска!... Но настало святое мгновенье!
О! какъ забилося сердце, когда подъ моими перстами,
Первые стройные звуки свирѣль издала! о, какъ сильно
Грудь взволновалась тогда! и слеза осребрила рѣсницу. —

Цѣна экземпляру въ С. Петербургѣ 3 рубли; за пересылку въ другіе города Россіи прибавляется 80 коп.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025305024